

Франсуаза Саган: Зато есть ночь, которая спасает...

В 1954 году восемнадцатилетняя девушка Франсуаза написала первый роман «Здравствуй, грусть», и во французской литературе наступила эпоха Саган. И сегодня она самая читаемая и почитаемая писательница Франции.

Жилище классика в двух шагах от Монпарнаса. Квартира, она же таинственный кабинет писателя, на втором этаже. Она по-прежнему непоседливая, на удивление легко порхающая по гостининой птичка. Я со своим магнитофоном еле поспевал за тоненькой женщиной с простенькой сагановской прической. К счастью, «Сони» не подвел. Я не позволил себе кощунствовать над стилем речи Саган. Пишу, как записалось.

— Скажите, мадам, трудно быть живым классиком?

— А я не знаю: не уверена, что я классик. Иногда у меня возникает сомнения в этом. Бывает, даже очень большие. Пожалуй, окончательной уверенности нет.

— И все-таки именно от вас — Франсуазы Саган — ждут нового, чего-то совершенно необычного, всегда шедевра. Громко судят, стала ли открытием ваша последняя книга. Ниже собственного уровня опуститься нельзя. А выше... Не давит?

— Нет. Я привыкла. И в литературе, и в повседневной жизни мне общаться с людьми чрезвычайно легко. Они мне нравятся — может, потому и отвечают тем же?

— Некоторые критики уверяют, будто главная книга вами уже написана.

— И что это за книга?

— Среди вершин, по-моему, «Любите ли вы Брамса?», «Немного солнца в холодной воде»...

— Нет, точно нет. Есть два романа, которые, бесспорно, сильнее. Называть их — вносить диссонанс в ваше литературное восприятие. Но лучший роман — впереди.

— Он появится?

— Надеюсь. Каждый раз, когда рождается замысел, я гадаю: «Может быть, этот? Вот он будет самым настоящим». Но выходит книга, и ни разу я не смогла сказать себе: «Вот она, вот!» И в то же время, если я смогу произнести эти слова, не будут ли они обозначать, что все дальнейшее творчество бесполезно?

— Ваши герои, а уж о героинях и не говорю, нежны, хрупки, беззащитны. Вы их холите, нежите, сочувствуете,

даже приводя на смертный одр. А в последнем романе «Окольные пути» все как-то по-иному. Вместо веселой насмешливости — едкий юмор, сарказм на грани издевки. Грянуло отступление от собственного стиля? Или вы сделали строже к человеческим особям?

— Всего лишь решила написать роман посмешнее прошлых. Сейчас в мире настроение такое, что смеются мало. А мне захотелось и рассмешить, и рассмеяться. Я попыталась. Считаете, что книга насмешлива, саркастична, следовательно, получилась.

— «Окольные пути» долго держались в списке бестселлеров. Как вы относитесь ко всем этим «лучшим книгам» и «таблицам популярности»? Не жалит, когда не попадаете?

— Это, как мелкий блошиный укус. Все теперь делается для финансового успеха книги, в котором заинтересовано выпустившее ее издательство. Но успех — вовсе не обязательно гарантия таланта автора. На первое место выныривают деньги. Однако, если работать ради них и только ради них, настоящего писателя из литератора не получится. Я бы сказала, промах мимо «десятки» имеет последствия практические, а никак не творческие, не моральные.

— В былые годы вы отказались войти в Академию Гонкура...

— ...Нет, во Французскую Академию.

— И в нее тоже.

— Было так давно. Забыла, — смеет Саган настолько искренен, что сомнений не возникает.

— А представьте, сегодня

вас снова приглашают надеть парадную академическую мантию, побрякать шпагой...

— Награды, медали, побрякушки вызывают у меня приступы страшной скуки. И когда мне вдруг что-то все-таки вручают, чувствую себя угодившей в силки. Только напишите, пожалуйста, это моя просьба, что Французская Академия сама по себе хороша. Она славна независимостью. Свободна от влияния политиков, избирателей, денег.

— Как вы работаете? И где? В одиночестве? Уезжая из Парижа?

— В основном здесь и пишу, на втором этаже.

— Неужели выдерживаете город Париж с его шумом, приемами, телефонными звонками?

— Но есть ночь, которая и спасает. Если хорошо идет, ночь длится долго — пишу до четырех, пяти. Не ладится, и я невольно останавливаюсь. Я пишу в тетради вот этой черной, мягкой, не скрипящей ручкой. Потом диктую написанное на магнитофон. Мне печатают. Я читаю. Правлю. Вставляю. Обязательно что-то забываю. И переделывать приходится три раза. Реже — четыре.

— А когда надоедает, когда устают?

— Хочется выпрыгнуть в окно. Но я сдерживаю порыв и отправляюсь на солнце. Путешествую. Но отделиться стеной ото всех не удастся. Да и нужно ли?

— Вы не отказываетесь от бокала?

— Вот уж совершенно нет. Наоборот. Люблю вино Луары.

— А в личной, не писательской жизни счастливы? Последнюю книгу вы посвятили сыну Денису.

— Дени. Мы с ним просто на редкость дружны. И настолько, что он и живет в этой квартире.

— Позвольте вопрос очень и очень тяжкий, сознаю, что нетактичный? Но служи, статья о том, что вы употребляете стимуляторы, настолько упорны...

— Наркотические вещества. Да-да. Разговоры эти исключительно политизированы, шумнее всего разносятся во время предвыборных кампаний. Время от времени, очень изредка я их употребляю, как делают это здесь еще 40 тысяч человек.

— Благодарю за откровенность. Не кажется ли вам, что сейчас эпоха всяческих табу — вполне справедливых

и искусственных — отходит в прошлое? Женщина поры вашего литературного дебюта несравнима с современной.

— Во Франции изменений немало. Какие-то хорошие, какие-то не очень.

— И какие хорошие?

— Введены законы, нас бережно охраняющие. Благодаря им женщине, родившей ребенка, жить проще, чем раньше. Даже одна, без мужа, без спутника она может позволить себе радость деторождения. Я бы заметила, что с тех пор у многих из нас появилась возможность самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, а не оставаться полностью зависимой от обстоятельств. Но и тогда, а сейчас и по-прежнему, некоторые мои соотечественницы в борьбе за свободу перебарщивают. И в этом своем феминистическом запале рассматривают мужчину в лучшем случае инструментом, а в худшем и врагом. Иногда любовь превращается для них в чистый акт.

— Но мир сделался жестче не только из-за вас, прекрасных наших дам.

— Если говорить о морали, то жизнь изменилась в плохом смысле всеобщими усилиями. Деньги царствуют, они превратились в главное и основное. О простом общении почти забыто. Телевидение вырвалось в главные собеседники. Телевизация рвет человеческие связи. И в результате глубокое одиночество.

— А есть ли явления, к которым вы испытываете чувства покуче презрения? Гнев, например?

— В этом ряду первым я поставлю Ле Пена. Вот кто действительно вызывает у меня негодование. Меня раздражают и политики, задавшиеся неперменной целью насадить в этой жизни новые запреты. Нельзя курить, запрещается братья за то и делать это... Победит их «нельзя» — и угроза нашей свободе будет страшной. И последнее: мир сегодня, как никогда, полон вранья.

— А что вызывает у вас прилив нежности?

— Весь род человеческий.

Беседу вел
Н. ДОЛГОПОЛОВ.
(Наш соб. корр.).